

«ЦЕПЬ НЕПРЕРЫВНОГО ПРЕДАНИЯ...»

“Цепь
непрерывного
предания...”

Российский
государственный гуманитарный
университет

*“Цель
непрерывного
предания...”*

Сборник памяти А.Г. Тартаковского

Москва 2004

ББК 63.3(0)я43
Ц40

Составители:
В.А. Мильчина, А.Л. Юрганов

Ответственный редактор
А.Л. Юрганов

Художник Михаил Гуров

ISBN 5-7281-0663-3

© Авторы статей, 2004
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2004

А.Г. Тартаковский
1931 – 1999

Содержание

От составителей

9

Кнабе Г.С.

Рождение экзистенциального человека

*Перевод глав X–XII девятой книги «Исповеди» Блаженного Августина
и некоторые краткие размышления по их поводу*

13

Каменский А.Б.

Русское общество в 1740 году

22

Боленко К.Г.

А.С. Шишков и П.А. Зубов: к истории одного назначения

36

Безотосный В.М.

Группировки российских генералов в 1812–1814 годах

48

Киселева Л.Н.

Фаддей Булгарин о наполеоновских войнах: к вопросу
о прагматике мемуарного текста

91

Андреев А.Ю.

«Грибоедовская Москва» в документах семейного архива
князя И.Д. Щербатова

105

Мильчина В.А.

Франция, 1829 год: два прогноза

140

Мазур Н.Н.

Из истории формирования русской национальной идеологии (первая треть XIX в.)

196

Немзер А.С.

Об «антиисторизме» Лермонтова

251

Долбилов М.Д.

Полезная недостоверность: о критике мемуарных сочинений творцов крестьянской эмансипации

266

Оболенская С.В.

Крестьянские читатели и интеллигентные «просветители» в России конца XIX века

295

Дубровский А.М.

«Table-Talk», или Тетрадь ссыльного

319

Боровикова М.В., Гузаиров Т.Т., Лейбов Р.Г.,

Сморжевских-Смирнова М.А., Фрайман И.Д., Фрайман Т.Н.

Русские мемуары в историко-типологическом освещении: к постановке проблемы

346

Крестьянские читатели и интеллигентные «просветители» в России конца XIX века

Проблема народного чтения – так условно назовем вопрос о том, что и как читали в России крестьяне и городские простолюдины (мелкие торговцы, ремесленники, подмастерья, позже рабочие, солдаты, приказчики, рассыльные, прислуга, извозчики и т. п.), занимала мысли передовых людей из образованного класса примерно с 30-х годов XIX столетия: к этому времени относятся первые попытки создать специальные журналы для народа.

Но во весь рост эта проблема встала перед обществом только в середине 60-х годов, после освобождения крестьян. Находившийся под опекой господина крестьянин стал самостоятельным и превратился в «юридическое лицо». Это превращение оставалось формальным, пока мужик был неграмотным. Обязательного образования в России не существовало; обучение простого человека, если оно вообще происходило, ограничивалось одним-двумя, редко тремя годами. Особенно наглядно это происходило в деревне, где дети рано становились работниками, учиться дольше им не приходилось. Полученная в процессе обучения грамотность, не находившая применения в обыденной жизни, слабела, а иногда и вовсе исчезала. Единственную возможность сохранить ее, а также и продолжить образование могло составить чтение.

Первыми в руки грамотных крестьян попадали, конечно, книги религиозные, «божественные» – молитвенники, псалтыри, творения св. Отцов церкви, книги духовно-нравственного содержания (например, «Како подобает стоять в церкви Божией» или «Смерть закоренелого грешника и праведного»). Наиболее популярными были жития свя-

тых с занимательной либо с трогательной фабулой. Необычайно популярными были и многочисленные лубочные книжки светского содержания.

В 1865 г. А.Н. Пыпин опубликовал в журнале «Современник» большую статью «Русская литература. Народные книги»¹, которая была одним из первых публичных выступлений представителей русской интеллигенции по проблеме народного чтения в России. Пыпин обратил внимание на то, что у народа давно есть любимые книги, «имеющие свою громадную известность, иногда очень давнишние, очень нередко странные или даже нелепые, но тем не менее любезные своему читающему миру. “Бова Королевич”, “Милорд Георг”, “Ванька Каин” и др. – это “народная литература”, возникавшая сама по себе, собственными усилиями народных грамотников, без всякого участия образованных сословий и литературы высшего класса».

Обращая внимание на опыт изучения «народной литературы» во Франции, Пыпин сообщал, что лет за 10 до этого А. Низар, изучавший по поручению французского правительства литературу, популярную в народе, «раскрыл целую особенную и обширную литературу» и описал ее в книге «Histoire de la littérature du colportage». И что же? Оказывается, что в XVII столетии, в век Корнеля и Расина, расцвета классицизма простой люд во Франции довольствовался уцелевшими от Средних веков «рыцарскими романами, астрологическими фокусами и церковными легендами». Миновал XVIII век – век Просвещения, прогремела революция, но и в 50-х годах XIX в. во Франции народный вкус оставался неизменным. В сущности, и в России, продолжал Пыпин, лубочные книжки необходимы простому читателю, так как обладают для него несомненной ценностью.

В периодической печати развернулась длившаяся затем более двух десятилетий дискуссия о народном чтении, главное содержание которой составляла именно «лубочная чепуха». Просветители из интеллигенции народнического направления считали необходимым заменить ее книгами, написанными и изданными специально для народа. Такие издания уже начали появляться на книжном рынке, и по поводу первых сочинений подобного рода, выпущенных издательством «Общественная польза», Пыпин и написал

свою статью. Эти новые книги, говорил он, написанные для народа авторами из высших классов, считающими нужным позаботиться о «развитии массы», уже появились в коробках у разносчиков. Они дешевле лубочных книжек, но в популярности своей не идут ни в какое сравнение с последними. Составителям новейших книг для народа следует относиться к лубочной литературе со всем необходимым вниманием, присматриваясь «к тем взглядам и потребностям, какие обнаруживаются в народной массе».

Одновременно с динамичным развитием «высокой» литературы в XVIII в. формировалась собственная история массовой литературы, очень медленно, иногда она казалась даже неподвижной и лишь косвенно отражавшей историю «золотого» и «серебряного» века русской литературы. Ее развитие определялось массовым вкусом, неизменным на протяжении едва ли не столетий. Л.Н. Толстой полагал, что в нем отражена устойчивость вневременного сознания крестьян.

Устойчивость массового вкуса определяется тем, что в каждом человеке в тех или иных масштабах и формах неизменно живет некий исходный, первоначальный вкус, соответствующий массовому. В основе его – устойчивые структуры, живые с архаических времен, древние константы привязанностей и предпочтений, архетипы фольклорного восприятия. Неизменное сохранение этих структур в любом читательском сознании и объясняет, по-видимому, успех массовой литературы вообще и долголетие лубочных книжек в частности².

Лубочная литература – массовая литература эпохи полуграмотной России, первая постфольклорная стадия массового искусства. Она не умерла и тогда, когда Россия стала грамотной, но изменила свои формы, приспособившись к новой ситуации. Она и в наше время цветет пышным цветом, правда, непохожая на те заплонившие книжный рынок в конце XIX в. грубые дешевые книжонки, которые так охотно покупали народные читатели.

Многочисленные участники дискуссии по проблемам народного чтения говорили о «лубочной чепухе» с удивлением и негодованием, объясняя ее успех недостатком «настоящих книг для народа» и неумением серьезных издателей организовать сбыт своей продукции³. В начале

90-х годов в книжных лавках И.Д. Сытина насчитывалось около 580 названий лубочных книжек, причем тиражам и числу переизданий могли бы позавидовать и современные авторы. Это вызывало гнев «интеллигентных критиков». Народ, утверждали они, давно перерос низкопробную «литературу Никольской улицы» и может воспринять лучшие произведения русских и западных классиков, а также серьезные научные книги, если все это приспособить к уровню его понимания. Заняться этим делом – долг просвещенных русских людей.

Для этого требовалось изучить состояние «народного чтения». Инициатором такого изучения выступил Л.Н. Толстой. В начале 50-х годов через свой журнал «Ясная Поляна» он обратился к сельским учителям и священникам с программой вопросов относительно крестьянского чтения. Примечательно, что сам писатель вовсе не принадлежал к тем, кто твердил о необходимости искоренить лубочную литературу: «Ежели народ хочет читать английского милорда, – писал он, – то какое мы имеем право жалеть об этом и предлагать ему сочинения о том, какие, по нашему мнению, нужны для народа добродетели?»⁴.

Было сделано несколько попыток изучить «народное чтение», среди которых первое место занимает, несомненно, широкомасштабное исследование, предпринятое группой харьковских учительниц под руководством Х.Д. Алчевской, задумавшей не только изучить «народное чтение», но и способствовать «правильному» его развитию.

Х.Д. Алчевская (1841–1920), дочь уездного учителя, вступившая в брак с крупнейшим финансистом и предпринимателем южной России, в течение 50 лет была педагогом; занималась она и литературной деятельностью⁵. Располагая солидным капиталом, она открыла в Харькове частную воскресную школу для неимущих жителей города (возраст учеников – от 9 до 40 лет) и вместе со своими помощницами в течение нескольких лет вела наблюдения за тем, что читали ученики этой школы, а также вечерней школы для взрослых и двух сельских училищ, одно из которых находилось в с. Алексеевке Славяносербского уезда Екатеринославской губернии, рядом с имением Алчевской.

Учительницы устраивали библиотеки и предлагали читателям пересказывать содержание прочитанного, запи-

сывали пересказы и отзывы о книгах, проводили в городе и в деревне небольшие публичные чтения вслух. В городе слушателями чаще всего были ученицы воскресной школы, разных возрастов, преимущественно молодые (прислуга, белошвейки, почти все крестьянского происхождения); в деревне – в основном неграмотные украинские крестьяне (мужчины и женщины, дети и старики). Читали большей частью книги, написанные специально «для народа». Чтицы стремились как можно подробнее записывать свои впечатления о том, как проходило чтение, и зафиксировать реакцию слушателей, воспроизвести их высказывания. Чтение хороших книг неграмотным крестьянам представлялось особенно важным, ибо таким образом мог, по мнению учительниц, формироваться неспорченный вкус.

Предполагалось, выявляя отношение читателей и слушателей к тем или иным книгам, составить для издателей и учителей аннотированные рекомендательные списки литературы «для народа». Плодом этой огромной работы стали вышедшие в 1884, 1889 и 1906 гг. три больших тома, объединенных общим названием «Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения»⁶. Они были представлены на выставках в России и за границей. Первые два тома «Указателя», удостоенные высоких международных премий, заслужили множество лестных отзывов. Это трехтомное издание мы привлекаем в качестве источника для характеристики «народного читателя» конца XIX в. Ценность и даже уникальность данного источника определяются тем, что его материалы позволяют судить не только о том, какие книги и как читали в народной среде, но и о том, как они воспринимались народными читателями.

Указатель построен следующим образом. Для каждой рекомендуемой книги приводятся библиографическое описание, краткое изложение содержания и мнение рецензента. Затем следует запись пересказа содержания книги читателями или ответов на вопросы учительницы. Если книгу читали вслух, то сообщение о том, как воспринимали книгу слушатели. Наиболее интересны подробнейшие записи самой Алчевской, исходившей из установки, «придавая значение подлинным словам и выражениям крестьян... поместить их в книге в полной неприкосновенности» и об-

ращать внимание на мысли, вызванные у читателей книгой, «на те сближения, которые они делали с жизнью; даже самые отклонения в сторону и замечания, брошенные вскользь, мы часто не считали удобным опускать, находя, что все это, вместе взятое, уясняет до некоторой степени мировоззрение слушателей...»⁷.

В 1-м томе указателя были собраны в основном отзывы городских читателей. Создавая 2-й том, учительницы обратились к мнению деревенских читателей, вернее, слушателей. Алчевская устраивала в Алексеевке чтения для небольшой группы крестьян. Они собирались в доме ее бывшей ученицы Маруси, где уже существовала некоторая привычка к чтению: молодая хозяйка читала вслух мужу, свекру и свекрови книжки духовного содержания. Она часто приглашала свою учительницу в гости. Алчевская в первое же посещение пришла с книгой и читала ее вслух Марусе и ее семье. Такие чтения стали постоянными; потянулись и другие жители деревни, сложился небольшой круг постоянных слушателей, которые не стеснялись высказываться вслух и спорить. Иногда читали и не в Марусином доме.

Поскольку помимо общих просветительских задач харьковские учительницы ставили перед собой еще и дополнительную цель – борьбу с лубочной литературой, вредной, по их мнению, для народного читателя, Алчевская решила выяснить отношение к лубочным книжкам своих слушателей и однажды прочитала им знаменитое сочинение Н. Зряхова «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка умирает на гробе своего мужа». На чтение собрались в основном бывшие ученики сельской школы в возрасте от 14 до 18 лет. Алчевская так начинает свою запись об этом чтении: «Представьте себе, что вы (интеллигентный человек) перелистываете московское издание и пробегаете следующие строки: “Вы облегчили страждущую грудь мою, оживотворили мое мнение...”, “В контроль чувств моих я не допускаю никого, даже моих родителей...”. Как смешно, высокопарно и вычурно кажется вам все это, как трудно вам представить себе, что подобные вещи могут произвести на кого бы то ни было сильное и глубокое впечатление»⁸.

Молодые крестьяне слушали затаив дыхание, плакали, восхищались, комментировали, долго рассматривали

картинки. По мнению Алчевской, всем нравятся прославляемые автором «благородные чувства отваги, самоотвержения, борьбы страстей с долгом, решимости, великодушия». Заметим, что и в городе девушки из воскресной школы плакали над страданиями героев этой книжки. Алчевская признала, что «Битва русских с кабардинцами», а также «Гуак, или Непреоборимая верность» пригодны для народного чтения, но книгу «Приключения аглинского милорда Георга и маркграфини Фридерики-Луизы», герой которой увековечен Н.А. Некрасовым под именем «милорда глупого», заклеила как произведение в высшей степени «циническое» и «чужь». Она недоумевает: как же разошлись 19 изданий этой книжки? Может быть, успех ее возможен только среди фабричного люда, зараженного «городским цинизмом»? Как попала она в деревню? Алчевская вознамерилась проверить свои предположения. Учительница не решилась читать это «собрание грязных сцен», а только показала слушателям книжку и спросила, не читал ли ее кто. Одна девушка сказала, что ей эту книжку брат привез с рудника. Алчевская поинтересовалась, понравилась ли ей книга, ожидая, что девушка сконфузится, но та ответила, что очень понравилась. Что же именно понравилось? «Все, – отвечала она, – одно другого интереснее» – и подробно пересказала содержание. «Циничные сцены» в устах девушки странным для Алчевской образом «утрачивали свой неприятный колорит и носили на себе характер простоты и безыскусственности». Когда юная читательница излагала скабрезную, по мнению Алчевской, главу о трех итальянских дамах – ловких и хитрых неверных женах, все весело смеялись⁹.

Стремясь противопоставить лубочной продукции лучшие образцы русской литературы XIX в., уверенные в том, что они вполне пригодны для «народного чтения», учительницы предлагали в указателе не только сочинения, написанные специально «для народа», как, например, книги Л.Н. Толстого, выходившие в издательстве книжного склада «Посредник», или же адаптированные отрывки из книг английских, французских, американских, немецких, шведских, польских писателей, но и много неадаптированных произведений русских прозаиков и поэтов. К их числу относится несколько пьес А.Н. Островского.

В 1-м томе указателя «Что читать народу» помещена статья «Островский в применении к чтению в народе», в которой объясняется, почему составительницы рекомендуют для «народного чтения» пьесы замечательного драматурга: по содержанию они доступны простым людям, поскольку в них изображена обиходная жизнь и герои этих пьес – люди из средних и низших классов. Язык этих людей – язык «обыденной русской жизни» – понятен простым читателям, а драматическая разговорная форма легко воспринимается как при самостоятельном чтении, так и при чтении вслух. Авторы выделяли главное в пьесах Островского – описание самодуров и самодурства и его влияния на семейный и общественный быт.

Учительница, выдававшая в Харькове взрослым ученикам частной воскресной школы книги для прочтения из собственной библиотеки, по каждой пьесе Островского заранее составляла перечень вопросов, предлагала их читательницам и записывала ответы. Эти записи помещены в 1-м томе указателя после рекомендательного разбора нескольких пьес. Книга вызвала горячий отклик А.Н. Островского, который обратился к составительницам с благодарственным письмом.

Х.Д. Алчевская решила читать пьесы А.Н. Островского крестьянам вслух. По собственному признанию, она испытывала сомнения, сумеют ли неграмотные украинские крестьяне, никогда не видевшие театрального представления и не знавшие, что это такое, оценить именно этот жанр. Прежде чем приступить к чтению пьес уже хорошо знакомым ей слушателям, она рассказала им о театре, о труде актеров, о том, как их ценят образованные люди. В своей записи она с некоторой восторженностью описала реакцию крестьян: сначала они молча слушали, но потом вспомнили кучера из крепостных по прозвищу Дзендзик, который очень похоже и смешно изображал людей и даже целые сценки, и стали о нем говорить. «Этот простонародный рассказ о Дзендзике рядом с моими рассказами о Сальвини и Саре Бернар доказал мне, что мы понимаем друг друга»¹⁰.

Мы рассмотрим здесь восприятие читателями, вернее крестьянскими слушателями, некоторых пьес А.Н. Островского, сосредоточившись более всего на пьесах «Гроза», «Бедная невеста» и «Грех да беда на кого не живет». Та-

кой выбор очень неравноценных произведений великого писателя определяется тем, что в содержащихся в источнике записях о чтении этих пьес наиболее рельефно выступают характерные черты и особенности восприятия.

Наибольший интерес и самый живой отклик у слушателей вызвала драма «Гроза», которую Алчевская прочитала в Марусином доме. Чтение пьесы длилось очень долго, потому что крестьяне на каждом шагу прерывали его суждениями о действующих лицах, отнюдь не краткими комментариями по поводу развития событий, причем эти комментарии уводили их далеко от содержания «Грозы», рождали сравнения с тем, что происходило и происходит в их деревне, воспоминания из собственной жизни и горькие признания. Комментируя слова и действия Кабанихи, все дружно и горячо ее осуждали. Молодой крестьянин прервал тщицу взволнованным рассказом о собственной жизни: «Мать родная поедом ест, и его, и невестку; как схватит за чуприну и таскает, пока не выбьется из сил, а он все молчит, лишь бы жену не трогала, на нем на одном все сердце свое сорвала»¹¹.

Всеобщую симпатию и сочувствие вызвала Катерина. Ее тревожные монологи с самого начала привлекли особое внимание. Как только начинались ее реплики, все с напряженным вниманием следили за тем, что касалось именно ее. По мнению Алчевской, крестьяне очень точно поняли ее образ: «спасена душа», «правдива душа, коли и тут цѣму не вивчилась», «як птица у неволі», «сама с собою говорит, сама себя развлекает»¹². В сцене прощания с Борисом, когда Катерина говорит о муже: «Постыл он мне, постыл, ласка-то его хуже побоев», – «“Краще, як би він мене изо дня бів”, – вторит ей, как эхо, чей-то голос», а затем, когда Катерина остается одна и задумывается, тот же голос произносит тревожно: «Не попаде до дому, задумала у річку, от побачите»¹³.

В реакции слушателей на заключительные сцены проявилась одна из наиболее интересных особенностей их восприятия. Они, как пишет Алчевская, «относились непосредственно к тому, что происходит у них на глазах, и жили настоящим». Когда в конце пьесы Катерина уходит, а на сцене появляются Кабановы, Кулигин и работник с фонарем, все тревожно затихли. «“Це вже її шукати! Хоч бы не допустили до гріха”, – говорили слушатели почти шепотом».

том». Когда услышали слова «за сценой»: «Эй, лодку! Женщина в воду бросилась!», послышались громкие возгласы: «Ой, Боже ж мій! Рятуйте, це ж вона». Бабка Параска, во время чтения желавшая выглядеть благочестивой и осуждавшая Катерину за измену мужу, теперь притихла, а «когда вынесли труп Катерины, схватилась за голову и громко зарыдала. “А тій матери, що дитина втопилась, от тій горе!” – голосила она»¹⁴.

По окончании чтения «большинство слушателей – и мужиков, и баб – тихо всхлипывало. Никто не тронулся с места, трудно определить, как долго могла бы продлиться эта молчаливая печаль, если бы старостиха не оборвала ее своим резким голосом: “Буде журиться! Дивітця – музика гра!” – сказала она, указывая пальцем на картину, висящую на стене, изображающую очень живо деревенскую свадьбу, и смеясь своим нервным смехом». Тут произошел настоящий эмоциональный взрыв. Слушатели торопились высказать свой взгляд, горячо спорили, ссорились, кричали; на бледных лицах – слезы, в хате долго стоял несмолкаемый гул голосов. «Ничего подобного мы не видели еще в стенах нашей скромной аудитории», – записывает Алчевская¹⁵.

Все наперебой выкрикивали свои суждения относительно причин разыгравшейся в финале трагедии. «Як же вам, хто винен? И чим її правити, цю Катерину?» (как вы думаете, кто виновен? И чем можно ее оправдать, эту Катерину?), – спросил кто-то. «Мати винна! Мати, мати, мати! – кричала старостиха, стуча кулаком по столу. – Хіба ж так можно – напасті и гризти, гризти, гризти, – вторил ей кто-то». Только свекровь молодой хозяйки хаты решилась сказать: «А як би вона добра була, вона б покорилась, а то зараз топиться, щоб мати корили. Хіба матері не обіда, як її дитини не люблять!». Ей горячо возражали: «Она мук не снесла», «Катерина и так світа Божьего не бачила, чого ж ще дужче їсти!»¹⁶. Самоубийство Катерины все воспринимали как страшную беду, горе, но заметим, что никто из участвовавших в обсуждении не вспоминал о том, что самоубийство – величайший грех христианина, во всяком случае в записи Алчевской об этом нет ни слова.

Понимание и сочувствие, с которым восприняли слушатели трагическую историю Катерины, вызвало у Алчевской умиление и радостную уверенность в том, что негра-

мотные украинские крестьяне способны понимать замечательные творения Островского и, главное, их чувства и мысли, несмотря на всю разницу в выражении, сходны с теми, что испытывает образованный человек.

Об этом, казалось, свидетельствовало необычайно эмоциональное восприятие крестьянскими слушателями пьесы «Грех да беда на кого не живет», в которой купец Краснов, добрый и внимательный муж, пораженный подозрением в неверности супруги и ее признанием, что она его никогда не любила, подстрекаемый родственниками, в заключительной сцене убивает свою жену и произносит: «Вяжите меня! Я ее убил». Вот как описывает Алчевская реакцию слушателей. «Убив! – восклицает Демьян, даже вскакивая с лавки. – На смерть?! Жінку?» – Ой, лихо! – сливаются в общий гул, и в этом гуле не слышится ни одного слова упрека или порицания Краснову. “І убив і сам себе загубив!.. Жінці гріх! Вони ёго живьем пекли! Сам буде перед Богом отвіт держати (это ответ на обвинения старика Архипа, который упрекал Краснова в гордости, толкнувшей его на самостоятельный суд над женой, не дождавшись милосердного суда Божьего. – С. О.). І сама пропала, і ёго загубила! Він гарна людина!»¹⁷.

Но в описании реакции слушателей на те места пьесы, где, по мнению Алчевской, должен был звучать и не прозвучал смех слушателей, или, напротив, на те пассажи, в которых ничего смешного не было, а смех прозвучал, чувствуется некоторое недоумение. Смеялись словам Тихона, который при расставании говорит жене, что не понимает ее: то от нее слова не добьешься, не то что ласки, то она сама обнимает его. Смеялись словам Кабанихи, которая стыдит Катерину за то, что та прощается с мужем, будто с любовником, виснет у него на шее: «Аль порядку не знаешь – в ноги кланяйся!»; смеялись словам Варвары, когда та, уговаривая Катерину взять ключ, говорит: «Тебе не надо – мне понадобится, возьми, не укусит он тебя!». Но этот неуместный смех Алчевская объясняла (по всей вероятности, справедливо) тем, что слушатели не знали трагического финала, по-иному высвечивавшего смысл тех прежних сцен, которые были смешны слушателям.

Одновременно Алчевскую удивило серьезное отношение крестьян к комическим местам «Грозы», где, по ее

предположению, смех слушателей должен был прозвучать непременно. При чтении комической сцены, в которой странница Феклуша рассказывает горничной Глаше о «судьях неправедных», о странах, где «и царей-то нет православных, а салтаны землей правят» и о людях с песьими головами, данными им «за неверность», «лица окружающих были серьезны, слова странницы слушались со вниманием и интересом, и возгласы носили на себе характер возгласов горничной Глаши (“а мы тут сидим, ничего не знаем!..”): ...Хоть расскажут, спасибо! Земля слухом полнится!». Только старостиха, постоянная слушательница, высказала сомнение: она слыхала, что где-то живут люди, обросшие шерстью, но чтобы с песьими головами – это кажется ей выдумкой. Ее выслушали, но без интереса¹⁸.

Понимание юмора составляет одну из существенных трудностей в диалоге языковых культур. Недаром именно юмор наравне со сленгом вызывает особые сложности при переводе произведений художественной литературы. На нашем примере восприятия юмора образованными учительницами и неграмотными крестьянами эта трудность, как одно из проявлений несовпадения культур, порождающих разного рода недоразумения, выступает особенно рельефно. Еще ярче, чем при чтении «Грозы», она выявилась при знакомстве крестьян с пьесой А.Н. Островского «Бедная невеста». Впрочем, здесь дело было не только в юморе.

«Бедная невеста» не слишком популярная пьеса Островского, во всяком случае по сравнению с «Грозой», поэтому позволю себе очень кратко напомнить ее содержание. Анна Петровна Незабудкина, вдова небогатого чиновника, озабочена необходимостью выдать замуж дочь Машу. Движимая не столько соображениями о будущем счастье дочери, сколько необходимостью разрешить сугубо материальные проблемы, она просит своего старого приятеля стряпчего Добротворского поискать жениха для Маши. Тот, посещая присутственные места, обнаруживает подходящего кандидата в лице состоятельного чиновника Беневоленского. Анна Петровна не сомневается в том, что брак Беневоленского с Машей не только спасет семью, но и составит счастье дочери. Между тем у Маши вспыхивает бурный роман с молодым человеком Владимиром Меричем, который, однако, как выясняется, вовсе не готов жениться. Маша в

отчаянии решает исполнить волю матери и выйти за Беневоленского.

Жених Маши Беневоленский, ничтожный, невежественный, самовлюбленный, беспринципный чиновник, остался совершенно непонятым крестьянами. Слушатели «положительно сочувствуют» ему и его намерению устроить свою жизнь и составить счастье бедной Маши. Этого невежду, со сдержанным возмущением пишет Алчевская, находят умным и дельным, серьезным и образованным! К его речи, «которая так смешит нас в устах талантливого актера» – «Я сам имею сердце нежное, способное к любви; только у нас дел очень много: вы не поверите, нам подумать об этом некогда», – слушатели относятся с серьезным сочувствием и говорят: «Коли ж ему об том думати!». Им недоступен комизм смешного канцелярского слога писем Беневоленского и Добротворского; они одобрительно замечают: «Це вже образованна людина, зараз чуть!»¹⁹.

Все остаются очень довольны рассказом жениха о том, как он, полагая, что в жизни главное – ум и предусмотрительность, выбился в люди: бывало, кланялся всякому встречному, а теперь его рукой не достанешь. Беневоленский приглашает Добротворского полюбоваться его лошадью. «Ах, проказник вы, проказник... Да ведь, чай, не куплена?» – спрашивает Добротворский. «Разумеется», – отвечает Беневоленский. Не поняв намека на то, что лошадь получена в качестве взятки, один из слушателей поясняет: «Нанята»²⁰.

Когда возникает вопрос, пойдет ли за него Маша, чтение прерывается обсуждением. Кто-то из слушателей говорит: «Ні, не буде діла, в неї серце вже тронуте». Но большинство решают, что, конечно же, пойдет, ибо «как можно упустить такого достойного человека». Мать убеждает Машу, говоря о Беневоленском: «А ты подумай, ведь у нас не горы золотые, умничать-то не из чего». «“Може б і мати голову прихилила”, – вторят слушатели, готовые сами убеждать Машеньку выйти замуж по расчету»²¹.

Трагедия Маши не понята, ее слезы на свадьбе вызывают всеобщее удивление и неудовольствие: «Бач, яка радість, а вона плаче. – А шо в неї на серці, – вступається одинокко другой, но не находить ни в ком поддержки»²²: ведь все решилось наилучшим образом. Сомнения слушателей вы-

зывает лишь то, не пьет ли жених (во время визита в дом Незабудкиной Беневоленский выпивает вместе с Добротворским), что могло бы отрицательно сказаться на будущем Маши.

Совершенно непонят и влюбленный в Машу умный и добрый Хорьков. Его осуждают за то, что он пьяным явился в дом, где есть барышня. Он пророчит Маше несчастья в семейной жизни с нелюбимым мужем. «И слова, так много говорящие сердцу интеллигентного человека, – записывает Алчевская, – “Слезы... вечные слезы... чахотка, не живши, не видавши радостей жизни...” – проходят совершенно бесследно»²³.

Алчевская недоумевает. «*Эти люди*, – записывает она, – сочувствуют нытью бедной чиновницы о том, что Маша не выходит замуж, и не находят решительно ничего предосудительного в том, что старик Добротворский... ходит по присутственным местам, разыскивая жениха Маше, напротив, они говорят о нем с чувством: от добра людина! Рутинные рассуждения ограниченной Анны Петровны Незабудкиной находят в них сочувствие и одобрение». Нас смешат, писала Алчевская, жалобы вдовы на то, что она «женщина слабая, сырая», и беспрерывно повторяемые ею слова: «как можно без мужчины в доме», а крестьяне воспринимают их «с комической серьезностью» и комментируют с пониманием: «Як чоловіка нема, куди ж таки бабі одній за всім управлятися»²⁴.

Комические сцены «Бедной невесты» слушатели воспринимали вполне серьезно. Перебранка свях сопровождалась назидательным замечанием: «И как-таки в чужом доме расшуметься – ведь это стыд. Нашли место». Алчевская замечает: «Нас смешит разговор Хорьковой о нарядах, а они слушают его с напряженным вниманием, силясь понять, что это за “черный муаре”, что это за “модная выкроечка”». Рассказ Дарьи о двух сестрах, одна из которых худая, как спичка, а другая румяная и гладкая, и мать боится, что первую муж любить не будет, а вторую, полагает, будет любить, обыкновенно вызывает смех в интеллигентной публике, а крестьяне слушают его «серьезно и со знаками одобрения»²⁵.

Только фат и обманщик Мерич был вполне адекватно понят крестьянами, по его адресу высказывались с презрением и негодованием. На его слова перед свадьбой Ма-

ши, что он ее любит, но жениться не может, реагировали очень живо: «опізнивсь!» (опоздал), «брешеш!», «годі!» (довольно)²⁶.

Алчевская была поражена тем, что искренне радовавшие ее глубокое понимание и тонкая отзывчивость крестьян при чтении пьес Островского «Гроза», «Воспитанница», «Грех да беда на кого не живет» совершенно не проявились при чтении «Бедной невесты». Она пишет: «Пока мы с нашими слушателями стояли на почве общечеловеческих чувств и ощущений, каковы любовь, ревность, мщение, злоба, отчаяние, пока перед нами ярко обрисовывались светлые образы Катерины, Краснова и др., все шло хорошо, но как только началось описание будничной серенькой жизни с ее противоречиями идеалам, созданным интеллигентным человеком, так нежданно-негаданно образовалась под ногами бездна и снова разделила нас на два лагеря, плохо понимающие друг друга. То, что казалось нам смешным и рутинным, принималось народом за чистую монету и вызывало одобрение. То, в чем мы видели несчастье и горе, признавалось им благоприятным исходом, то, от чего страдало наше сердце, проходило для них незамеченным»²⁷.

Представляется, что Алчевская действительно нащупала главное. Наиболее глубокие, важные, рискнем сказать «базовые», «вневременные», человеческие чувства (хотя и здесь, по всей вероятности, существовали различия) оказывались общими для крестьян и образованных людей. Характерно также, что внимание крестьян неизменно привлекали сильные страсти. Некоторые слушатели могли быть подготовлены к этому лубочными книжками, целиком построенными на описании сильных чувств и страстей. Впрочем, в записях Алчевской мы почти не находим следов знакомства крестьян с лубочной литературой.

Однако в понимании проблем повседневной жизни, в оценке проявляющихся в них моральных качеств, ценностных критериев, особенностей поведения Алчевская и ее помощницы весьма существенно расходились с крестьянскими слушателями. Не следует упускать из виду и того обстоятельства, что в сугубо «городских» пьесах, к каковым относится «Бедная невеста», крестьяне не могли адекватно понять многих мелких деталей жизни и поведения действующих лиц.

Отметим особо, насколько различными были у крестьян и учительниц, собиравших материал об их чтении, представления об образованности. Так, харьковская учительница воскресной школы, выдававшая ученицам, по большей части крестьянского происхождения, книги для прочтения, записала их ответы на заранее подготовленные ею вопросы относительно пьесы Островского «Не в свои сани не садись». На вопрос о том, что привлекло героиню пьесы в понравившемся ей молодом человеке, весьма ограниченном и недалеко, учительница ожидала услышать: его красивая наружность, щегольская одежда. Но ответ ученицы оказался совершенно иным и неожиданным: «Ей нравилось, что он был такой образованный... как сама она была девушка простая, он показался ей очень умным, к тому же он был хорошо одетый и в разговорах очень приятный»²⁸. Об образованности молодого человека говорили и другие ученицы. Городские читательницы вообще придавали, по-видимому, большое значение образованности. Это следует из их пересказов пьесы Островского «В чужом пиру похмелье» и отзывов на нее. Все поступки и слова действующих лиц они объясняли и оценивали в соответствии с критерием их образованности.

Привлеченный нами источник не позволяет, конечно, сделать сколько-нибудь всеохватывающих выводов относительно мировосприятия крестьянских слушателей. В нем не воспроизводятся собственноручные записи слушателей; их высказывания даны в записях учительниц, хотя и стремившихся к максимальной точности, но, разумеется, лишь приближавшихся к ней. «Неприкосновенность» крестьянских высказываний, о которой действительно очень заботилась Алчевская в соответствии со своим намерением «уяснить мировоззрение слушателей», все же не могла не быть относительной. Стоит ли говорить о том, что интерпретация, даже невольная, при записи без магнитофона живой речи читателя или слушателя неизбежна? Материалы указателя «Что читать народу» больше проясняют позицию его составителей, но мировиденье и идеология русской интеллигенции конца XIX в. могут быть раскрыты на основании множества других источников.

Вместе с тем материалы указателя позволяют сделать некоторые заключения относительно типологии россий-

ских читателей. Н.М. Зоркая, говоря о типологии читателей с точки зрения психологии восприятия, разделяет их на два типа – «экспертов», размышляющих над текстами, воспринимающих и оценивающих их художественную и иную ценность (у них «исходный», первоначальный, массовый вкус «свернут»), и массовых читателей, для которых характерно «перенесение» в мир вымысла ради развлечения и отсюда – пристрастие к «легкому чтению»²⁹.

К какому из этих двух типов можно отнести простонародных слушателей? Они не просвещенные «эксперты», им в голову не приходит размышлять о качестве текста и давать ему оценку. Но это и не тот искусственный массовый читатель, который переносится в мир вымысла ради развлечения, отвлечения, тип, особенно распространенный в наше время. В конце XIX в. этот тип был представлен большинством городских «простонародных» читателей.

Крестьянский слушатель – это некий иной, третий тип. Крестьяне погружаются в текст как в живой мир, воспринимают его не как вымысел, а как реальность, сопереживают героям от всего сердца, не предполагая, что перед ними вымышленные персонажи. Они относятся к персонажам как к реальным, живым людям и все происходящее с ними воспринимают как имеющее место «здесь и сейчас».

Чтения, устраиваемые Х.Д. Алчевской, для большинства постоянных ее слушателей были первым знакомством с более или менее серьезными книгами светского содержания, для многих вообще с книгами. Процесс чтения являлся для них актом живого общения с чтицей, друг с другом и, не в последнюю очередь, с героями книг. Во время предварительной беседы о театре один из слушателей, уясняя для себя и остальных смысл театра, сказал: «Ну, представление!». «Як же це представление, – возразила другая слушательница, – коли воно правда (какое же это представление, если здесь сама правда)». Это не указание на правдивость изображения, а отражение вышеуказанной особенности восприятия: слушатели считают описанное автором не порождением его фантазии, а безусловно происшедшим или даже происходящим в действительности. При чтении крестьянам пьесы «Воспитанница» один из слушателей, видно, глубоко поглощенный действием, заметил: «Я й забув, що цего не було». «Як же воно не було, коли було», –

горячо возразила другая, по мнению Алчевской, «очевидно, беззаветно уверовавшая в происходящее»³⁰.

Слушатели постоянно прерывали чтение комментариями, объяснениями, обращенными к тем, кто чего-то не понял, иногда уводившими в сторону от читаемого текста, порою вступали в диалог с героями, почти принимали участие в действии, разыгрываемом в пьесе. Хотя заранее договаривались о соблюдении тишины, они вовсе не считали свое вмешательство нарушением порядка. Когда в пьесе «Воспитанница» старуха Уланбекова, обращаясь к своей приживалке, произносит: «Не с тобой говорят, что ты вмешиваешься во всякое дело», слушатели добавляют: «И правда, и чего-таки лезет!». При появлении пьяницы Неглигентова один из слушателей говорит от его имени: «Подивиться, шо я за стория!». Слушатели шумят: «Вчили, вчили, а ума не вставили!»³¹. При чтении сцены из пьесы «Грех да беда на кого не живет», когда слепой старик Архип, входя в комнату, где происходит ссора между домашними, спрашивает: «Что за шум? Не пожар ли?», из публики раздался голос: «Тут еще хуже пожару»³².

Для восприятия текста читателями подобного типа характерны те «сближения с жизнью», на которые хотела обратить внимание Алчевская. Эти «сближения» при чтении пьес Островского были особенно частыми и конкретными. Характеры и ситуации, подобные тем, что содержались в пьесах, слушатели наблюдали вокруг, и многие воспринимали читаемое, как отражение собственной жизни и как некую школу жизни.

В записях учительниц о чтении Островского в городе ученицами воскресной школы мы не встречаем отголосков эмоционального восприятия пьес Островского. Конечно, самостоятельное чтение не может рождать столь бурной реакции, как та, что вызывает чтение вслух. Что касается крестьянских слушателей, то бросается в глаза живость их реакции, в значительной мере определявшаяся, по всей видимости, условиями восприятия – устной речью чтицы. И если содержание речей слушателей так или иначе подвергалось Алчевской если не интерпретации, то некоторой стилизации (хотя бы потому, что вряд ли она могла со стенографической точностью воспроизводить речь крестьян), то все же необыкновенно эмоциональное восприятие кре-

стьян, достигавшее в некоторых местах пьес «Гроза» и «Грех да беда на кого не живет» силы настоящего взрыва чувств, не подлежит никакому сомнению.

Попытаемся все же, опираясь и на записи Алчевской о чтении пьес Островского, и на другие материалы о народном чтении³³, сделать несколько наблюдений относительно отражения в записях Алчевской и других харьковских учительниц ценностных ориентаций крестьян.

Первое, что следует отметить, – это отсутствие религиозных мотивировок в оценках. Конечно, все слушатели Алчевской – люди верующие, впитавшие веру в Бога, можно сказать, с молоком матери, ощущавшие себя христианами и знакомые с евангельскими истинами. Однако, кажется, религиозность не пронизывает всю их жизнь, в данном случае их размышления относительно жизненных ситуаций. Конечно, этот вывод основан на записях Алчевской, принадлежавшей к интеллигенции народнического направления и, может быть, в своей интерпретации высказываний слушателей вольно или невольно опускавшей религиозные моменты в их речах. Но знакомство с ее записями, касающимися других книг, показывает, что в этом отношении она все-таки была, по-видимому, добросовестна³⁴.

Самоубийство Катерины, убийство Красновым жены представлялись слушателям непоправимой бедой, и они тотчас искали ее виновников. Но вопрос о том, что это – страшный, непростительный грех перед Господом, слушателями не ставится. Слово «грех» применительно к поступку Катерины употребляется явно как синоним слова «беда». В рассуждении о поступке Краснова «грех» приписывается его жене, которая сама довела его до такого ужасного поступка. Рассуждение о том, что он сам будет держать ответ перед Господом, означает, что людям не годится его судить, поскольку он скорее всего все-таки жертва, а не палач. Первые монологи Катерины, в которых она рассказывает о своей девической жизни, наполненные воспоминаниями о молитвах, о посещении церкви, выявляют ее глубоко религиозную натуру, но реакция на эти ее монологи обнаруживается только в одной реплике слушателя. Катерина говорит, что во сне летает по воздуху, а слушатель рассказывает о молодом парне из их села, который вообразил, что

может летать, привязал к плечам гусиные крылья, бросился с горы и расшибся.

Алчевскую занимал вопрос о том, насколько крестьяне находятся во власти суеверий. Она заметила, что рассказы о колдунах, ведьмах и привидениях часто вызывали недоверчивое отношение. Люди смеялись и иронизировали, признавая, что в подобных рассказах много выдуманного. Вместе с тем в глубине души они, по-видимому, верили в существование неких темных сил³⁵. Так, при чтении «Грозы» слушатели с тревожной серьезностью восприняли появление безумной барыни, предвещавшей Варваре и Катерине адские муки «за красоту» и всем вообще – геенну огненную; впрочем, эта мрачная перспектива не обсуждалась.

Слушатели не обратили внимания на одну из главных идей Островского – осуждение самодурства и сопоставление его с иной системой нравственных ценностей. Смысл формул самодурства «я так хочу», «у меня слово – закон», произносимых купцом Тит Титычем в комедии «В чужом пиру похмелье», остается непонятым. Характер Дикого в «Грозе», особенности его поведения вызвали добродушный смех, а не возмущение. Первое его появление, брань в разговоре с племянником Борисом были встречены смехом. Стали рассказывать анекдоты о каком-то старике – барине, похожем на Дикого. «От-такий як раз наш старик, – говорит кто-то, – лае и лае. Як на его дивитися, не треба и представления». Борис жалуется Кулигину на зависимость от Дикого, сетует, что, согласно завещанию бабушки, получит свою долю наследства, только если будет почитателен с дядей. «Зроду не бачити ему тіх грошей! – замечают слушатели с одобрением. – Хоч який винуватий старий, а все прав!» Борис рассказывает, что его тетка, супруга Дикого, каждое утро всех умоляет: «Батюшки, не рассердите, голубчики, не рассердите!». Один из слушателей спокойно объясняет: «Тітці, мабуть, за всіх вліза (тетке, верно, за всех достается)»³⁶.

Традиционное распределение ролей в семье, взаимоотношения супругов, отношения между старшими и младшими, традиционные критерии семейного благополучия как будто бы не подвергались сомнению. Но, как пишет Алчевская, «споры на тему о положении мужчины и женщины, об их правах и обязанностях, об отношениях их друг к

другу и детям, как мы заметили, весьма часто возникают среди наших слушателей и бывают чрезвычайно горячими и страстными»³⁷. При том, что в повседневной жизни самым важным признается успешное разрешение простых жизненных проблем, особенно материальных, смирять свои чувства, подчиняя их необходимости, считается естественным; проявляющиеся в экстремальных ситуациях сильные, не победимые рассудком чувства таких благородных фигур, как Катерина или Краснов, вызывают у крестьянских слушателей понимание и сочувствие.

Можно предположить, что за 20 с лишним лет, миновавших после отмены крепостного права, несколько изменилось понимание роли женщины в семье, особенностей ее положения, ее прав и обязанностей. Заметим, что при обсуждении «Грозы» только одна из слушательниц утверждала, что страдающая в семье женщина должна терпеливо сносить муки ради семейного благополучия, и никто не осуждал Катерину за измену мужу.

Одной из бесчисленного количества оппозиций «Я» и «Другой» является проблема культурных несовпадений, возникавших во времени и пространстве в самых различных видах. Среди них – несовпадения внутри одной национальной языковой культуры, связанные с различиями ее участников в социальном статусе, образовательном уровне, принадлежности к различным субкультурам, при том что ментальный уровень тех, в ком эти несовпадения проявлялись, в общем если не вполне одинаков, то, во всяком случае, весьма сходен. Материал чтения пьес А.Н. Островского представляет нам пример такого «культурного несовпадения».

Что можно извлечь из записей Алчевской касательно ее собственного отношения к несовпадениям в понимании образов и ситуаций в пьесах А.Н. Островского? Она воспринимает их весьма драматично как свидетельство существования бездны, которая разделяет интеллигенцию и народ, и вся ее деятельность убедительно свидетельствует о горячем стремлении преодолеть эту бездну. Она понимает, что «будничная серенькая жизнь» простого народа вступает в противоречие с «идеалом, созданным интеллигентным человеком», но различие культурных страт, по-видимому, настолько существенно, что ей трудно преодолеть собст-

венное пренебрежительное непонимание тех, кто находится на другой стороне бездны. Оно прорывается у Алчевской в некоторых оценках реакции крестьян на ее чтение. «*Эти люди*» – так говорит она о крестьянах, слушавших чтение «Бедной невесты» – сочувствуют *нытью* бедной чиновницы... *Рутинные рассуждения ограниченной* Анны Петровны Незабудкиной находят в них сочувствие и одобрение».

Тон этих слов Алчевской, представляющийся нам неожиданно высокомерным, свидетельствует о том, что она странным образом не пыталась вникнуть в сущность несопадений и почти возмущалась тем, что крестьянские слушатели одобряли поиски подходящего жениха для бедной девушки, сочувствовали вдове, комично, с точки зрения просвещенного человека, повторявшей, что трудно «без мужнины в доме».

Крайне отрицательное теоретическое отношение Алчевской к лубочной литературе и то, что, читая лубочную книжку молодым жителям села и воочию убеждаясь в ее необыкновенном успехе у публики, она не пыталась понять, в чем тут дело, проникнуть в природу интереса к этой литературе, говорит о том, что бездна оказывалась непреодолимой не только вследствие непросвещенности простого народа и имела как культурный, так и социальный смысл. Повышение уровня грамотности в России, успехи народного образования, а затем и становление коммуникативного общества, конечно, изменяли и изменили ситуацию, но культурная стратификация сохранилась и оказалась едва ли не более жесткой, нежели стратификация социальная.

Примечания

¹ Пытин А.Н. Русская литература. Народные книги // Современник. 1865. Т. 108. № 5–6. Стоит отметить, что Пыпин с давних пор интересовался историей лубочной литературы. См.: Пытин А.Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857.

² Зоркая Н.М. Фольклор. Лубок. Экран. М., 1994. С. 15.

³ Об этой дискуссии см.: Оболенская С.В. Народное чтение и народный читатель в России конца XIX в. // «Одиссей 1997». М., 1998.

⁴ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 363–364.

- ⁵ О Х.Д. Алчевской см. в особенности: *Лекаренко Д.М.* Из истории изучения читателя в дореволюционной России. Х.Д. Алчевская // Труды Московского библиотечного института. Вып. 1. М., 1938; *Фридьева Н.Я.* Жизнь для просвещения народа. М., 1963.
- ⁶ «Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения. Составлен учительницами Харьковской частной женской воскресной школы». Т. 1. СПб., 1884; Т. 2. СПб., 1889; Т. 3. М., 1906. Особенно интересен т. 2, где гораздо больше места, чем в 1-м и 3-м, отведено отзывам о книгах, причем помещены материалы не только для чтения в школах, но и для крестьян южнорусских губерний.
- ⁷ «Что читать народу?» Т. 2. С. 1–2.
- ⁸ Там же. С. 549.
- ⁹ Там же. С. 549–551.
- ¹⁰ Там же. С. 512.
- ¹¹ Там же. С. 514.
- ¹² Там же. С. 515.
- ¹³ Там же. С. 516.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. С. 517.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 515.
- ¹⁹ Там же. С. 522.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 523.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. С. 521–522.
- ²⁵ Там же. С. 522.
- ²⁶ Там же. С. 523.
- ²⁷ Там же. С. 521.
- ²⁸ Там же. Т. 1. С. 315.
- ²⁹ *Зоркая Н.М.* Уникальное и тиражированное. Средства массовой информации и репродуцированное искусство. М., 1981. С. 140.
- ³⁰ «Что читать народу?». Т. 2. С. 513.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. С. 521.

- 33 *Оболенская С.В.* Указ. соч. См. там же библиографию работ отечественных книговедов, рассматривавших проблему с точки зрения библиотечного и книжного дела, грамотности и образования в России.
- 34 См.: *Оболенская С.В.* Указ. соч.
- 35 «Что читать народу?». Т. 2. С. 525.
- 36 Там же. С. 514.
- 37 Там же. С. 526.

Ц 40 **«Цель непрерывного предания...»:** Сборник памяти А.Г. Тартаковского/Сост. В.А. Мильчина, А.Л. Юрганов.

Серия «История и память». М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2004. 361 с.

ISBN 5-7281-0063-3

А.Г. Тартаковский, памяти которого посвящен сборник, был в первую очередь исследователем Отечественной войны 1812 г. и русской мемуаристики XVIII – первой половины XIX в. Поэтому естественно, что в книгу вошли статьи о борьбе генеральских группировок в 1812 г., о наполеоновских войнах в мемуарных очерках Фаддея Булгарина. Однако проблема достоверности изображения прошлого в литературных произведениях и человеческих документах – вечная. Потому в сборнике эти вопросы рассматриваются на широком материале – от «Исповеди» Блаженного Августина до дневников русского историка XX в. С.В. Бахрушина, от донесений русских дипломатов, служивших во Франции накануне Июльской революции 1830 г., до мемуаров русских высокопоставленных чиновников, готовивших реформу 1861 г. Все статьи основываются на неопубликованных архивных материалах либо на новом прочтении известных литературных текстов.

ББК 63.3(0)я43

Ц40

Научное издание

«Цепь непрерывного предания...»

Сборник памяти А.Г. Тартаковского

Редактор

С.М. Пчеляная

Художественный редактор

М.К. Гуров

Корректоры

Т.М. Козлова, А.И. Сорнева

Технический редактор

А.Ю. Ефимова

Компьютерная верстка

Н.Н. Аксеновой

Лицензия ИД № 55992, выд. 05.10.2001.

Подписано в печать 15.12.03

Формат 84x108¹/32.

Усл. печ. л. 19,1.

Уч.-изд. л. 20,0.

Тираж 1000 экз.

Заказ № *22*

Издательский центр РГГУ.
125267, Москва, Миусская пл., 6.
Тел. 973-4200.

**«ЦЕПЬ НЕПРЕРЫВНОГО ПРЕДАНИЯ...» —
ВЫРАЖЕНИЕ БИБЛИОГРАФА XIX ВЕКА
М. Н. ЛОНГИНОВА,
КОТОРОЕ ЛЮБИЛ ЦИТИРОВАТЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РУССКОЙ
МЕМУАРИСТИКИ XVIII—XIX ВЕКОВ
АНДРЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
ТАРТАКОВСКИЙ**

**В СБОРНИК, ПОСВЯЩЕННЫЙ ЕГО ПАМЯТИ,
ВОШЛИ СТАТЬИ, НА САМОМ ШИРОКОМ
МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДУЮЩИЕ СПОСОБЫ
ИЗОБРАЖЕНИЯ ПРОШЛОГО
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
И ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ**

